

К 205-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. С. ТУРГЕНЕВА

УДК 811.161.1

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РЕЧЕВЫЕ ЕДИНИЦЫ (в прозе И. С. Тургенева)

О. В. Сергушкова,

доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры белорусской и русской филологии Мозырского государственного педагогического университета им. И. П. Шамякина,
г. Мозырь, Республика Беларусь
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

В статье рассмотрена специфика тургеневских вставных конструкций, показано их структурное и тематическое разнообразие. С применением описательного и трансформационного методов изучены основные функции парентез и их экспрессивность. Делается вывод о том, что вставки играют важную роль в структурировании когерентности текста. Выявляются причины частого употребления вставок у Тургенева.

Ключевые слова: вставка, специфика, структура, семантика, функция.

INSERTED STRUCTURES AS STRUCTURAL-SEMANTIC SPEECH UNITS (in the prose of I. S. Turgenev)

O. V. Sergushkova

associate Professor, Candidate of Philological Sciences, associate Professor
of the Department of Belarusian and Russian Philology of Mozyr State
Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr, Republic of Belarus
E-mail: sergushkova_olga@mail.ru

The article considers the specifics of Turgenev's insert structures, shows their structural and thematic diversity. Using descriptive and transformational methods, the main functions of parentheses and their expressivity were studied. It is concluded that inserts play an important role in structuring text coherence. The reasons for the frequent use of inserts by Turgenev are revealed.

Keywords: insertion, specificity, structure, semantics, function.

Введение

В текстах художественных произведений И. С. Тургенева отразились характерные для XIX века синтаксические особенности речи, совпавшие с языковыми вкусами и пристрастиями автора, с лингвистическим укладом его мышления и его индивидуальным стилем. К наиболее константным языковым средствам создания «возможного мира» писателя, отражающим авторские

предпочтения, кроме восклицательных высказываний, параллельных конструкций, риторических и медитативных вопросов, сентенций и аллюзий, несомненно относятся и вставные конструкции.

Цель и задачи

Цель исследования – изучить и описать основные структурные и коммуникативно-семантические признаки вставных конструкций в прозе И. С. Тургенева. Для достижения указанной цели были поставлены и решались следующие задачи:

- 1) определить специфику вставок в текстах писателя;
- 2) указать причины повышенной частотности их употребления;
- 3) выявить функции рассматриваемых единиц.

Методы и материал исследования

Для достижения поставленной цели и решения конкретных задач применялся описательный метод, использовались элементы трансформационного подхода, приёмы семантико-стилистического и коммуникативно-прагматического анализов, а также количественного подсчёта.

Материал исследования – более 250 языковых единиц, извлечённых методом свободной выборки из текстов произведений И. С. Тургенева: «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», «Новь» (1 часть), «Дым», «Первая любовь», «Накануне», «Затишье», «Фауст», «Записки охотника».

Результаты и их обсуждение

Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы.

1. В прозе И. С. Тургенева преобладают классические, конструктивные вставки, или парентезы (от греч. *parenthesis* – вставка). Согласно [1. с. 114], под ними понимаются разрывающие предложение или текст стилистические фигуры, которые не связаны с ними никаким грамматическим средством, то есть, в отличие от вводных слов, обладают формальной и смысловой независимостью. Хотя конструктивные вставки в любых текстах могут быть представлены словом, словосочетанием, предложением, в том числе полипредикативным, и даже микротекстом большой протяжённости, однако именно у И. С. Тургенева такое структурное многообразие представлено особенно широко и заметно, что определяет специфику их формы. Употребление вставок у писателя, впрочем как и других языковых единиц, подчинено не только строгим канонам данного речевого явления, но и гениальному чутью и творческой свободе мастера слова. Н-р: *...живописец (мастер!) поместил виноградную ветку в её волосах, чёрных, как смоль, с ярко-серыми отблесками: это вакхическое украшение идёт как нельзя более к выражению её лица* [2, с. 25]; *Примков, словно обрадованный (бедняк!) вскочил, вздохнул и начал благодарить меня...* [2, с. 18], где несобственно-прямая речь персонажа очень проста, представляя собой однословные высказывания, но у Тургенева эти вставки вводят второй речевой план повествования – модально-оценочный. И он не менее важен, чем тот, который дается в разрываемом предложении. Случаев разрыва «основного предложения» словосочетанием немного: *...все эти ребята были либо ужасно бойкие, либо ужасно мрачные... и у Нежданова с ними тоже не вышло ничего.* < ... > *Он даже решился (важный признак доверия и сближения!) говорить об этой своей неудаче с Марианной...* [3, с. 333], где воздействие парентезы-словосочетания, имеющей качественно-оценочное значение, усилено восклица-

тельностью. Подавляющее большинство вставок имеет структуру предикативной единицы, причём такие парентезы могут разрывать не предложение, а микротекст: *Мы... желая до восхода солнца опять попытать нашего счастья (на тягу можно также ходить поутру), решились переночевать в ближайшей мельнице* [4, с. 41]; *Когда на другой день после нашего свидания я прочёл в газетах ваше имя... (а узнал я ваше имя уже в театре), то... этот факт меня поразил* [3, с. 293]; *Я подошёл к ней к ручке (это я делал всегда, когда хотел прекратить разговор) и ушёл к себе* [3, с. 28]; *Покойного Одинцова она едва выносила (она вышла за него по расчёту, хотя она, вероятно, не согласилась бы сделаться его женой, если б она не считала его за доброго человека) и получила тайное отвращение ко всем мужчинам* [4, с. 537]; *...Их [Женщин. – О. С.] следует презирать, и я их презираю, вполне и совершенно! (Возможность презирать и выражать свое презрение было самым приятным ощущением для Ситникова; он в особенности напал на женщин, не подозревая того, что ему предстояло несколько месяцев спустя пресмыкаться перед своей женой потому только, что она была урождённая княжна Дурдолевцова.) Ни одна из них не была бы в состоянии понять нашу беседу; ни одна из них не стоит того, чтобы мы, серьёзные мужчины, говорили о ней!* [4, с. 520] и др.

2. Степень грамматической изолированности парентез может быть разной. Иногда только скобки указывают на вставку, а при их «снятии» «бывшие» вставки вступают в обычную грамматическую связь с членами данного предложения: *Молодой пропагандист... написал четырнадцать больших писем, двадцать восемь малых и восемнадцать записок (из коих четыре карандашом, одну кровью, одну сажей, разведённой на воде); и всё это он успевал сделать, потому что научился систематически распределять время...* [2, с. 342], где выделенная полужирным курсивом часть предложения может быть отнесена к парентезам по формальному признаку – знаку препинания «скобки». Это вставка «неконструктивного типа» [5, с. 159]. В [1] утверждается, что эти парентезы можно отнести к вставочным конструкциям лишь по формальному признаку – скобкам, самому сильному знаку препинания, предназначенному прежде всего для обозначения парентез. Применяя этот термин и в нашем исследовании, заметим, однако, что он отражает лишь структурные (то есть формальные) функции явления, не учитывая содержательной стороны вставок. У И. С. Тургенева немного таких построений. В нашей картотеке почти все языковые единицы называются просто вставками. Принимая и используя термин «неконструктивная вставка», следовало бы использовать и дефиницию «конструктивная вставка». Но это название появляется редко. Теория вставных конструкций представляется нам мало разработанной: данные единицы явно находятся в таксономических отношениях, а классификации их этого не учитывают.

3. Вставные конструкции в прозе писателя отличаются высокой частотностью употребления и широчайшим многообразием семантики, что также обуславливает их специфику.

Наша картотека насчитывает более 250 вставных конструкций, извлечённых из текстов И. С. Тургенева. В них содержится информация о персонаже (40 единиц), оценке (30), характере речи героев (30), известие о параллельном событии (26), единичном факте (24), причине (20), указание на время (18), сведения об имени (12), эмоции (12), пояснение (8), напоминание о чем-то (4),

указание на место (3), перевод (3), авторское замечание (2), предложение (2), медитативный вопрос (1). В картотеку также входит вставка-анаподотон (10) и неконструктивная вставка (10).

Во вставки-факты чаще всего вводятся сообщения о каких-то особенностях, привычках персонажа, которые, как правило, отражают те или другие черты личности героя, то есть такие вставки выполняют не только информационную, но и характерологическую функцию. Например: *О... явно, на виду у всех, занимался одними политическими и социальными вопросами, исповедовал самые крайние мнения (в нём они не были фразой!) – и тайне наслаждался искусством, поэзией...* [3, с. 296]. В такие вставки помещается также дополнительная информация, которая расширяет семантическое пространство текста, однако её экспрессивность невелика, а характерологическая функция выражена неярко: *Панишин громко и решительно взял первые аккорды сонаты (он играл вторую руку), но Лиза не начинала своей партии* [2, с. 149].

Носителями особого смысла выступают вставки-темпоративы, в которых сообщается о времени совершения того или иного текстового события. В них может содержаться общая, но достаточная, по мнению автора, темпоративная информация, но возможно также указание на точное время совершения события (по григорианскому календарю). Такие фрагменты мы называем **вставками-датами**: *В те времена (дело происходило в 1836 году) ещё не успело развестись племя фельетонистов и хроникёров...* [2, с. 166] и др. Внимание к темпоративным компонентам текста мотивировано стремлением писателя максимально сблизить его индивидуальный, вымышленный мир с реальным.

4. Очень выразителен у Тургенева **анаподотон** – «...стилистическая фигура, основанная на расчленении структуры предложения вставной конструкцией большой протяжённости. Отличительной особенностью этой фигуры является повторение после вставки конечного слова или нескольких слов той части предложения, которая расположена перед вставкой...» [7, с. 49]. При этом увеличивается информационный объём высказывания, выражаются разные субъективно-модальные значения. Например, сочетание сожаления с лёгкой иронией: *Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был всё-таки чем-то вроде шута горохового* [4, с. 621] или неприятие старшим Кирсановым взглядов Базарова: *Вспомните, милостивый государь (при этих словах Базаров поднял глаза на Павла Петровича), вспомните, милостивый государь, – повторил он с ожесточением, – английских аристократов* [4, с. 503]. Иногда анаподотон сочетается с **мимезисом**, «намеренным воспроизведением характерных элементов чужой речи» [8, с. 325]: *Мы... полагаем, что без принципов (Павел Петрович выговаривал это слово мягко, на французский манер, Аркадий, напротив, произносил «прынцип», налегая на первый слог), без принципов... шагу ступить, дохнуть нельзя* [4, с. 482]. На наш взгляд, структура анаподотона может модифицироваться. Так, например, в следующем фрагменте данная стилистическая фигура представлена вставной конструкцией большой протяжённости, а такая отличительная особенность, как повторение после вставки конечного слова той части предложения, которая расположена перед вставкой, отсутствует. Однако, благодаря реализации заместительного функционального значения местоимения «она» (в форме «ей»), связь между частями расчленённого парентезой

предложения легко восстанавливается: *Она боялась ласкать Базарова... Василий Иванович присоветовал ей не очень его «беспокоить». «Молодые люди до этого не охотники», – твердил он ей (ничего говорить, каков был в тот день обед: Тимофеич собственною персоной скакал на утренней заре за какую-то особенную черкасскую говядиной; староста ездил в другую сторону за налимами, еришами и раками; за одни грибы бабы получили сорок две копейки медью); но глаза Арины Власьевны, неотступно обращённые на Базарова, выражали не одну преданность и нежность... [4, с. 576]. В микротексте Мы... с Ариной этого не ожидали. Она вот цветов выпросила у соседки, хотела комнату тебе убрать. (Василий Иванович уже не упомянул о том, что каждое утро, чуть свет, стоя о босу ногу в туфлях, он совещался с Тимофеичем и, доставая дрожащими пальцами одну изорванную ассигнацию за другою, поручал ему разные закупки, особенно налегая на съестные припасы и на красное вино, которое, сколько можно было заметить, очень понравилось молодежи людям.) Главное – свобода; это моё правило... не надо стесняться... не... Он вдруг умолк и направился к двери [4, с. 579]* важная для автора информация оформлена как вставка, формально не связанная ни с предшествующим ей предложением, которое она не разрывает, ни с последующим. Более того, рассматриваемая конструкция развивает другую тему. По сути дела, данная парентеза имеет внешне только один признак, роднящий её с анаподотомом, – большую протяжённость (53 слова). Однако именно благодаря этому качеству она тесно связывается с названием произведения и с его идейным содержанием. Такая глубинная смысловая связь, на наш взгляд, оказывается одним из важнейших факторов когерентности текста романа. Именно поэтому мы полагаем, что причислять подобные конструкции к обычным вставкам, имея в виду только ее формальные признаки, было бы неверно. Считаю необходимым более детальное изучение названного объекта для уточнения понятия «вставочная конструкция и её типы».

5. Есть несколько причин семантического и структурного многообразия парентез. Одной из главных, на наш взгляд, является стремление писателя к преодолению явного разрыва между линейностью речи, дискретностью отраженных в ней реалий и событий действительности и их континуальностью в реальной жизни. Отсюда много вставок, в которых сообщается о попутном или параллельном действии, о том, что в «возможном мире» писателя должно (насколько это возможно) восприниматься не поэтапно, не линейно, как в речи, а целостно, неразрывно вместе в один данный момент. Что касается наиболее очевидного эффекта такой организации речевого материала, мы бы здесь подчеркнули экономию языковых усилий и ту «правду» эпизода, которой добивается автор. Эксперимент демонстрирует именно эти роли вставок: *...Что же касается до вас, Алексей Дмитрич, – обратилась она с любезной улыбкой к Нежданову (он внутренне изумился тому, что его имя и отчество были ей известны), – ...вы не разделяете опасений Семена Петровича... [3, с. 308] → Что же касается до вас, Алексей Дмитрич, – обратилась она с любезной улыбкой к Нежданову, – ...вы не разделяете опасений Семена Петровича... Нежданов внутренне изумился тому, что его имя и отчество были ей известны.* Здесь при трансформации мы вынуждены были для избежания двусмысленности заменить местоимение «он» фамилией героя – «Нежданов», т. е. увеличить сообщение на 6 букв, кроме того Нежданов изумился не после всего сказанного женой

Сипягина, а после её обращения к нему, именно в этот момент. То есть часть информации со вставкой при трансформации в текст без вставки «запаздывает».

Выводы

Таким образом, вставки в прозе И. С. Тургенева имеют специфические структурно-семантические признаки. Наиболее ярким из них является практически неисчерпаемое богатство семантики вставок и роли их в тексте. Прежде всего это мотивировано стремлением автора расширить информационное пространство повествования, максимально уменьшить «разрыв» между дискретностью и цельностью, продемонстрировать реальную возможность гармонии линейности и континуальности в реальном бытии и в созданном с помощью речи и таланта творца «возможном мире».

Парантезы в художественных произведениях И. С. Тургенева нуждаются в дальнейшем изучении, глубоком анализе и классификации. Исследование вставных конструкций чрезвычайно актуально, так как имеет прямое отношение к проблеме упорядочения и компрессии стремительно увеличивающегося объема информации.

Список использованных источников

1. Сковородников, А. П. Вставная конструкция или парантеза, парантезис / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 114–117.
2. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2 т. / И. С. Тургенев – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 1 : Повести и романы 1856–1862. – 446 с.
3. Тургенев, И. С. Сочинения : в 2 т. – М. : Худож. лит., 1980. – Т. 2 : Повести и романы 1860–1876. – 448 с.
4. Тургенев, И. С. Записки охотника. Накануне. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – М. : Худож. лит., 1971. – 672 с.
5. Прияткина, А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложнённого предложения / А. Ф. Прияткина. – М. : Высш. шк., 1990. – 176 с.
6. Демиденко, Е. В. Структурные и функционально-семантические особенности вставных конструкций в прозе Б. Пильняка [Электронный ресурс] / Е. В. Демиденко, Н. В. Князева // Studia Humanitatis. – 2019. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-i-funktsionalno-semanticheskie-osobennosti-vstavnykh-konstruktsiy-v-proze-b-pilnyaka>. – Дата доступа: 24.04.2023
7. Сковородников, А. П. Анаподотон или анаподатон / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 49.
8. Сковородников, А. П. Мимезис или Мимесис / А. П. Сковородников // Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 328–329.